

М.В.Горелик

ШЛЕМЫ И ФАЛЬШЬОНЫ: ДВА АСПЕКТА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ МОНГОЛЬСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА

Монгольское нашествие, как известно, отложило “свой” отпечаток на все стороны жизни народов, ставших его жертвами. Не были исключением и народы Европы. Однако некоторое время спустя, покоренная Русь и оказавшиеся в опасной близости от завоевателей народы юго-востока Балтии, Венгрии, Нижнего Подунавья стали внимательно присматриваться к оружию монголов.

Нам уже приходилось писать о том влиянии, которое монгольский панцирь из мягкого материала (к которому изнутри приклепаны железные пластины), названный нами “усиленный хатангу дегель”, оказал на генезис и развитие европейского доспеха типа *coat of plates* (Горелик М.В., 1983, с.255). Из последнего, как известно, развился классический цельнокованный рыцарский доспех Европы XV-XVII вв. Достаточное внимание нами было уделено и монгольским лукам (Горелик М.В., 1979, с.90; 1990, с.156-157; 2002, с.30).

Проблемы взаимовлияния Орды и Руси, Орды и Восточной Европы в военном деле давно интересуют многих исследователей. Некоторые вопросы нашли подробное освещение в ряде работ, включая недавно вышедшую нашу (Горелик М.В., 2002, с.25-27). В данной статье мы рассмотрим лишь два аспекта оружейных взаимосвязей между монголами и Европой, недостаточно освещенных в предыдущих работах. Первая ее часть посвящена одной группе шлемов, найденных на территории Центральной Европы, вторая – уникальному образцу клинкового оружия, обнаруженном в хорошо датированном богатом захоронении золотоордынского латника в нижнем течении Южного Буга.

Монгольские шлемы из северных и южных регионов Центральной Европы

На севере и юге Центральной Европы при разных обстоятельствах найдено несколько шлемов, интерпретация которых вызвала целый ряд вопросов, и, прежде всего, выяснение места их изготовления. Часть из них составляет серии, что весьма важно для истории культуры регионов, где они были изготовлены и найдены.

В 1-й четверти XX в. у с.Плоское в 13 км от Тирасполя (западное пограничье Золотой Орды)

И.Я.Стемпковским в одном из раскопанных курганов было обнаружено погребение, хорошо датирующееся серебряными монетами золотоордынского хана Токты (1290-1312 гг.) и золотой монетой византийского императора Иоанна II Комнина (1118-1143 гг.). В погребении был найден комплект оружия: копье, топорик, наконечники стрел, кольчуга и шлем (Гошкевич В.И., 1930, с.109, рис.10).

Шлем (рис.1, 1) представляет собой сложное изделие, в виде невысокой сферической тульи, составленной из четырех секторов, соединенных по линии наложения вертикально расположенными полосками с парой заклепок на каждой; в местах заклепок полоски расширяются треугольными выступами. Сверху приклепано навершие в виде низкого конуса со шпилем, увенчанным бипирамидальным завершением. Околыш шлема – широкий, расширяющийся книзу, склепан из 12-13 подпрямоугольных пластин. Спереди к околышу приклепан козырек длиной 16 см и горизонтальная узкая налобная пластина. К нижнему краю шлема с боков и сзади приклепана полоса металла, верхний край которой мелко и часто насечен зубилом, а нижний нарублен прямоугольниками с пазами между ними; прямоугольники свернуты в трубки, в которые вставлялся прут, продевавшийся, в свою очередь, через кольца верхнего ряда кольчужного плетения бармицы. Данный шлем замечателен тем, что имеет почти все признаки, характерные для монгольских шлемов: шпиль, козырек, наборный околыш, мелкая насечка краев (Горелик М.В., 1987, с.188-192, рис.10, 2, 5, 8, 10, 32; рис.11, 8, 14; 2002, с.75, 7, 8, 9, 13, 17-19; Peers C.J., 1992, с.6). Сочетание их в одном предмете делает его одним из эталонных образцов монгольских шлемов вообще.

В Историческом музее южноболгарского г.Казанлыка хранится замечательный шлем, найденный в Ясеново (р-н г.Стара Загора) (рис.1, 3). Авторы публикации коллекций музея датировали его IX-X вв. (Гетов Л., Цанова Г., 1967, № 110); английский же исследователь Д.Николль сначала датировал его XII-XIII вв., связав его происхождение с балканскими номадами или Византией (Nicolle D., 1988a, с.40), позднее ограничил его происхождение последней, а в датировке вернулся к мнению болгарских авторов (Nicolle D., 1996, с.76-77).

Шлемы из Ясеново и Плоского конструктивно и типологически близки. Разница состоит лишь в некоторых деталях: отсутствии навершия у первого из них; околыш у шлема из Плоского свернут из одной широкой полосы металла с одним клепаным швом, а не собран из склепанных пластин; вместо козырька у последнего – чуть отогнутый наружу край. Кроме того, на ясеновском шлеме присутствует яркий золотоордынский ремесленный признак – мелкая частая насечка вдоль краев узких верти-

кальных полос, перекрывающих стыки секторов тульи, а также на нижней стороне трубчатых петель-держателей бармицы – на нижнем ободе околыша. Самой же примечательной деталью ясеновского шлема является личина на лобной части околыша, где очень грубо, примитивно с изнанки выколочены асимметричные брови, переходящие в линию “носа”, и два столь же асимметричных глаза. Эта личина мешает исследователям правильно интерпретировать предмет, хотя, на наш взгляд, из-за

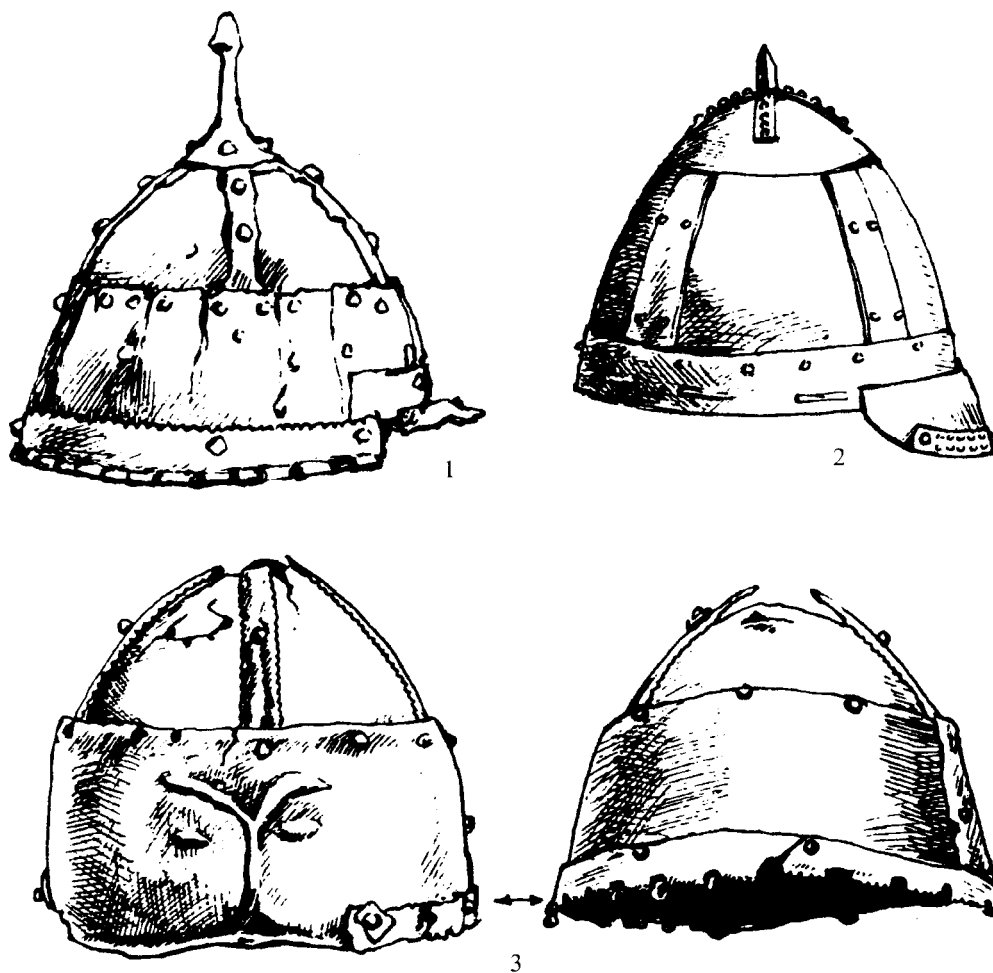

Рис. 1. Шлемы золотоордынского времени. 1 – шлем из кургана у с.Плоское, р-н Тирасполя, кон.XIII – нач.XIV в.; 2 – шлем из Коврово, Калининградская обл.; 3 – шлем из Ясеново, р-н г.Стара Загора, Болгария.

Fig. 1. Helmets of the Golden Horde period. 1 – helmet from the barrow near Ploskoye vil., Tiraspol vicinity, late XIIIth – early XIVth cc.; 2 – helmet from Kovrovo, Kaliningrad region; 3 – helmet from Yasenovo, Stara Zagora vicinity, Bulgaria.

Abb. 1. Helme aus der Zeit der Goldenen Horde. 1 – Helm aus dem Kurgan am Dorf Ploskoje bei Tiraspol, spätes 13. Jh. – frühes 14. Jh.; 2 – Helm aus Kowrowo, Gebiet Kaliningrad; 3 – Helm aus Jasenovo, bei Stara Zagora (Zagora), Bulgarien.

Dess. 1. Casques de l'époque de la Horde d'Or. 1 – casque trouvé dans le tumulus près du village Ploskoë, région de Tiraspol, fin du XIII – début du XIV siècles ; 2 – casque trouvé à Kovrovo région de Kaliningrad ; 3 – casque trouvé à Âsenovo, région de Stara Zagora, Bulgarie

полного непрофессионализма работы, на самом деле, она мало что может сказать о какой-либо традиции.

Конструктивно и типологически близок шлему из Плоского случайно найденный при пахоте в 80 гг. XIX в. в районе Айссельбиттена (ныне Коврово) на востоке приморской зоны полуострова Самбия в Восточной Пруссии (ныне Калининградская обл.) шлем (Седов В.В., 1987, табл.СXXX, 5). В связи со случайностью находки и отсутствием контекста, в наших выводах приходится исходить только из признаков самого шлема. Эти признаки: сфероконическая тулья, склепанная из четырех секторов посредством вертикальных полосок металла, наложенных поверх стыков; козырек, украшенный по низу полоской латуни с каемками из выпуклых точек. Подобное украшение очень характерно для южносибирских, кыргызских мастеров металла XIII-XIV вв. (Кызласов И.Л., 1983, табл.XIV, 42, 43; XVII, 21; XXII, 12; XXXV, 1, 10, 13; XXXVII, 5, 18, 21, 22, 27; XXXVIII, 4). Сверху пластины тульи соединены округлым подвершием, которое увенчано граненым острием и крестообразно приклепанными латунными полосками, вдоль которых выбиты выпуклые точки, как на окантовке козырька.

Но как шлем с такими яркими монгольскими признаками мог оказаться в земле пруссов? Исторические и археологические в том числе предметы вооружения, дают картину многих и реальных, прямых и опосредованных монголо-пруссских контактов. Так, В.Л.Янин показал, что очень важной опорой Александра Невского в Новгороде, теснейшим образом сотрудничавшего с монголами и непосредственно приведшего их туда, была влиятельнейшая группа боярства – прусских эмигрантов (Янин В.Л., 1974, с.92). В.И.Кулаков, начальник Балтийской археологической экспедиции, ведущей раскопки в Калининградской обл., любезно сообщил нам о недавней находке в типичном прусском дружинном погребении XIII в. останков ярко выраженного монголоида. Прямые контакты, причем, как правило, военные, имели место в 60-70 гг. XIII в., когда коалиции в составе галицко-волынских князей вместе с монголами сначала под командованием Бурундая, а позже Ногая и Тулибуги воевали в Польше и Литве (Галицко-Волынская летопись под 1251 г., 1260 г., 1276 г., 1277 г., 1281 и 1282 гг.). Даже, когда сами монголы в армиях коалиций не присутствовали, их оружие, точнее доспехи монгольского образца красовались, сияя, на дружинниках князя Даниила Галицко-Владимирского, что было отмечено Галицко-Волынской летописью еще под 1251 г. Великолепный экземпляр шлема монгольского типа, но со специфической неточностью в детали и с прекрасными таушировками золотом в восточнохристианском стиле, вышедший, как мы предположили, из

придворной оружейной мастерской Даниила Галицкого (Горелик М.В., 2002, с.77, 10), был найден в кочевническом погребении “Хургишца” в Вагра Молдовичей на северо-западе румынской Молдовы (Spinei V., 1982, с.195, fig.36).

Влияние монгольского доспеха на вооружение польско-прусской Балтии оказалось столь сильным, что там к XIV в. сложился целый комплекс оборонительного вооружения, связанный происхождением с монгольскими образцами. Так, голова рыцаря, изображенного на печати Данцигской (Гданьской) комтурсии Тевтонского ордена сер.XIV в., защищена шлемом отнюдь не какого-либо из европейских типов того времени, а ордынским сфероконическим, склепанным из нескольких секторов металла шлемом (Nowakowski A., 1994, fig.30) (рис.3, 2). В монгольского типа ламеллярные панцири и сложно конической формы клепаные ордынские шлемы облачены рыцари на печатях герцогов Мазовцев: Тройдена (ум. в 1341 г.) и Земовита 1343 г. (Thordeman B., 1939, fig.264, 255) (рис.3, 3, 4), причем, шлем на голове рыцаря с печати Земовита – точная копия ясеновского шлема. Уникальное рельефное изображение воинов-прусов, сражающихся с тевтонскими братьями, которое украшает высеченную в 1300 г. капитель колонны собора в столице Тевтонского ордена – Мариенбурге (ныне Мальборк), показывает прусских латников, облаченных в остроконечные сфероконические шлемы, называвшиеся тевтонцами “прускими” (grusche helm), и панцири с нарукавьями до локтя, “разлинованными” горизонтальными полосами (Nowakowski A., 1994, fig.35, 36) (рис.3, 1). Так всегда изображались ламинарные – из полос металла или твердой кожи или ламеллярные – из пластинок металла или твердой кожи, соединенных плетением в полосы, которые в обоих типах брони соединялись горизонтально вплетавшимися в отверстия в металле или коже тонкими ремешками или тесьмой панцири. Они были основными типами панциря у монголов, стимулировавших их изготовление на севере Центральной Европы. Такой панцирь в полном виде найден при раскопках братской могилы ополченцев о.Готланд, павших в 1361 г. в бою с датским войском под стенами г.Висбю (Thordeman B., 1939, fig.196-198).

Несомненно, именно в эту “монголо-прусскую” традицию вписываются находки еще двух шлемов с территории исторической Пруссии. Один из них случайно найден в Мельно около г.Альтенштайна (ныне Ольштын) в Восточной Пруссии (рис.2, 6). Шлем – с угловатым переходом от высокого, чуть сужающегося кверху, почти цилиндрического околыша к конической тулье, плавно переходящей в высокое тонкое навершие цилиндрического сечения; навершие увенчано тонким железным

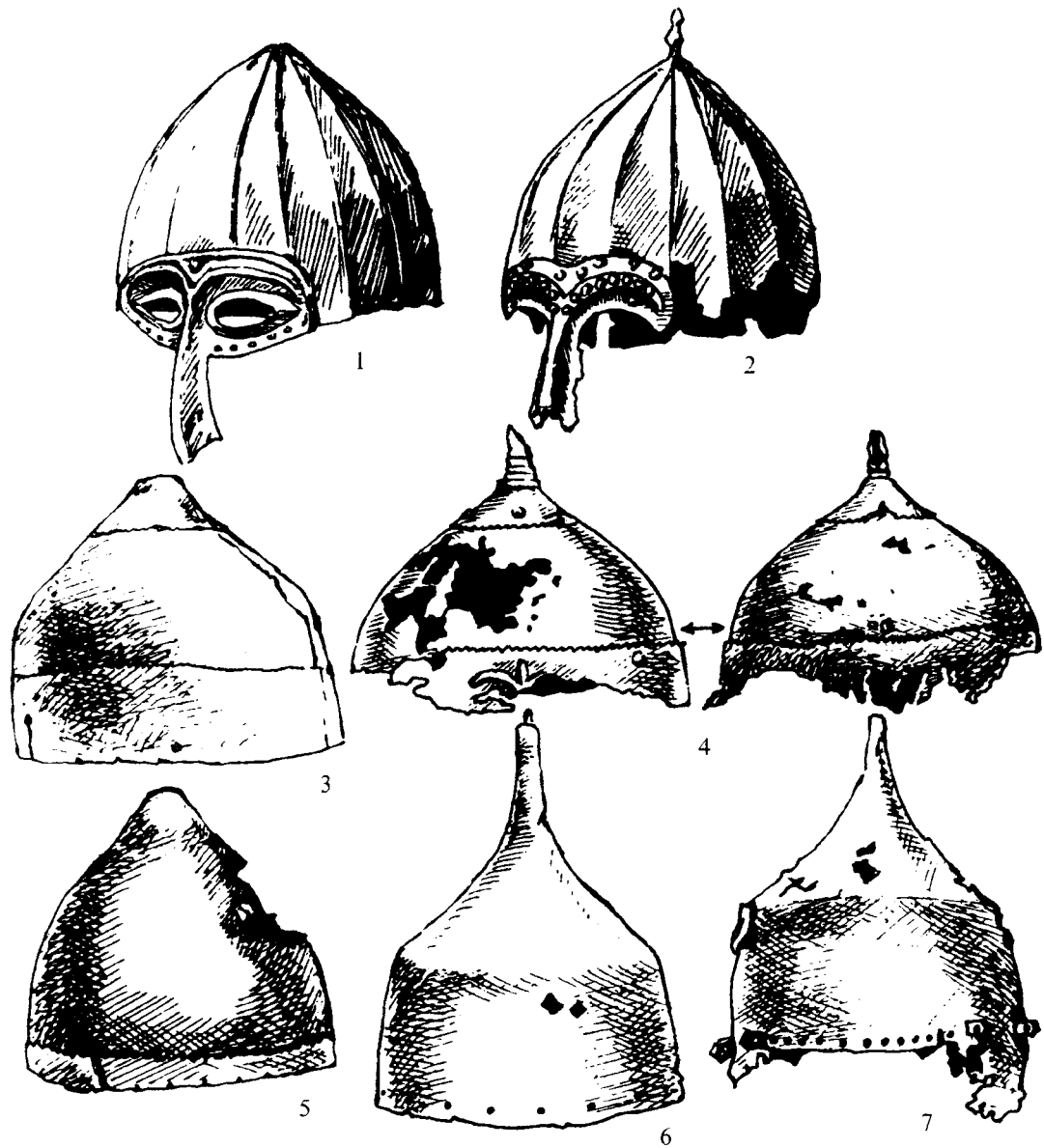

Рис. 2. Шлемы золотоордынского времени. 1 – шлем из с.Никольское, Орловская губ., 2-я пол.XIII в., Эрмитаж; 2 – шлем из кургана в Моску, р-н Тыргу Бужор, Восточная Румыния; 3 – шлем из кургана у г.Остра, р-н Южная Сучава, Восточная Румыния; 4 – шлем из курганного комплекса в Венгрии, Венгерский Национальный музей, Будапешт; 5 – шлем из кургана в Чойош, Венгрия, Венгерский Национальный музей; 6 – шлем из Мельно, р-н Ольштына, Восточная Пруссия; 7 – шлем-баскинет из Торун, Западная Пруссия, около 1380 г.

Fig. 2. Helmets of the Golden Horde period. 1 – helmet from Nikolskoye village, Orlovskaya province, 2nd half of XIIIth c., Hermitage; 2 – helmet from the barrow in Mosku, Tyrghu-Buzhor vicinity, Eastern Roumania; 3 – helmet from the barrow near Ostra town, South Souchava vicinity, Eastern Roumania; 4 – helmet from the barrow complex in Hungary, the Hungarian National Museum, Budapest; 5 – helmet from the barrow in Choyosh, Hungary, the Hungarian National Museum; 6 – helmet from Melno, Olshtyn vicinity, Eastern Prussia; 7 – helmet-baskinette from Torun, Western Prussia, about 1380.

Abb. 2. Helme aus der Zeit der Goldenen Horde. 1 – Helm aus dem Dorf Nikolskoje, Gouvernement Orlow, 2. Hälfte des 13. Jh., Ermitage; 2 – Helm aus dem Grabhügel in Mosku bei Târgu Bujor, Ostrumänien; 3 – Helm aus einem Grabhügel bei Ostra, Süd-Suceava, Ostrumänien; 4 – Helm aus dem Grabhügelkomplex in Ungarn, Ungarisches Nationalmuseum, Budapest; 5 – Helm aus dem Grabhügel in Csojos, Ungarn, Ungarisches

Nationalmuseum, Budapest; 6 – Helm aus Melno bei Olsztyn, Ostpreußen; 7 – Korbbhelm aus Torun, Westpreußen, um 1380.

Dess. 2. Casques de l'époque de la Horde d'Or. 1 – casque du village Nikolskoe, région d'Orel, deuxième moitié du XIII s., Ermitage; 2 – casque du tumulus à Mosku, région de Tyrgu Bužor, Roumanie de l'Est; 3 – casque trouvé dans le tumulus près de la ville d'Ostra, région de Ūžnaâ Sučava, Roumanie de l'Est; 4 – casque issu du complexe de tumulus en Hongrie. Le Musée National de la Hongrie, Budapest; 5 – casque issu du tumulus à Čojoš, Hongrie. Le Musée National de la Hongrie; 6 – casque issu de Melno, région d'Olsztyn, la Prusse de l'Est; 7 – casque-basquinet de Torun, la Prusse d'Ouest, environ 1380

пругом-шпилем, от которого сохранилась лишь часть. Шлемы с такими признаками, совершенно чуждые Европе, были весьма характерны для золотоордынского паноплии XIV в. (Горелик М.В., 2002, с.75, 17, 18, особенно 23; с.77, 6; с.78, 2). Второй шлем (рис.2, 7) хранится в музее г.Торунь и датируется примерно 1380 г. (Nowakowski A., 1994, с.54-55, fig.9). На первый взгляд, он очень напоминает шлем из Мельно, но по устройству своей нижней части, определяющему характер защиты лица, относится, как полагает А.Новаковский, к совершенно другому типу шлемов – баскинету – типу, характерному для Европы 2-й пол.XIV в. Баскинет отличался тем, что имел подвижное по вертикали забрало, защищавшее все лицо или только его центральную часть. Часто забрало имело резко выступающий конический “нос”, за что получило немецкое название “хундгугель” – “собачья пасть”. А.Новаковский полагает также, что торуньский шлем – изделие славянского мастера, изготовленное по западноевропейскому (низ, защита лица) и восточному (верх) образцам. Если это так, то здесь мы наблюдаем совершенно уникальное явление – случайно дошедшие до нас импортный прототип (шлем из Мельно) и его прямое развитие на местной почве, в рамках европейской системы развития боевых наголовий.

Вместе с тем, мы не можем отбросить вероятность принадлежности и торуньского шлема к ордынскому импорту: очень уж он близок почти по всем признакам местной группе шлемов с забралами в виде специфических, относящихся практически к одному, с вариантами, типу личин – изображений мужского лица с большим горбатым носом, миндалевидными глазами в выпуклых веках, дуговидными бровями, обычно с загнутыми вверх усами, иногда с подвижными бронзовыми ушами в серьгах-колечках (Горелик М.В., 2002, с.25-26; с.78, 2-5, 7). Вместе с тем, отсутствие каких-либо следов шарнирного крепления в центре налобной части торуньского шлема, на котором, в свою очередь, крепились ордынские забрала-личины, и, напротив, наличие следов крепления на боковых сторонах верха высокого околыша (что характерно для вариантов забрала “хундгугель”, полностью закрывающих лицо) позволяет считать более вероятной версию о принадлежности торуньского шлема к типу евро-

пейского баскинета, оформленного под ордынский шлем из Мельно.

Обратимся к находкам шлемов, происходящих с территории современной Румынии (рис.2, 2, 3). Оба они найдены на ее восточных землях, которые во 2-й пол.XIII в. входили в состав территории Улуса Джучи и особенно активно осваивались монголами в правление темника Ногай (Егоров В.Л., 1985, с.32-34). Более того, оба шлема найдены в типичных кочевнических погребениях, датируемых золотоордынским временем, так что, в принципе, их просто нужно относить к наследию золотоордынской культуры. Первый из них (рис.2, 2) раскопан в 1938 г. в Моску, в районе Тыргу Бужор на юго-востоке Румынии; в комплексе, кроме шлема, находились остатки кольчуги и сабли, удила и бронзовый прут длиной 50 см; кроме воина, в погребении был и конь (Spinei V., 1974, с.397-400, 405). Судя по особенностям погребального обряда: целый конь, распрямленная гривна в виде бронзового (?) прута, в кургане Моску был захоронен этнический половец, что нисколько не мешало ему быть знатным золотоордынским воином, как это было в большом числе случаев, например, с погребенным в кургане “Приверха могила” (впускное погребение № 5) у с.Таборовка Николаевской обл. (Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990, с.125).

Особенность шлема из Моску в том, что он – “серийный” шлем. К этой же серии относятся золоченый шлем (случайная находка) у с.Никольское в Орловской обл. (рис.2, 1) и, похоже, экземпляр, обнаруженный на городище у с.Городище Хмельницкой обл. (юго-запад Украины) (Петров Ю.Ю., 1997, рис.2, 4). Что касается последнего экземпляра, то реконструкция его тульи, опубликованная Ю.Ю.Петровым, совершенно не убеждает, поскольку он проявил, мягко говоря, крайнюю невнимательность к некоторым моментам. В частности, он не увидел прямой связи своей реконструкции городищенского шлема с образцами из Никольского и Моску, а также приписал доказательство русского производства шлема из кургана “Хургишца” В.Спинеи, хотя мнение о его изготовлении в мастерских Даниила Галицкого по монгольскому образцу впервые было высказано и обосновано в нашей работе 1990 г. (Горелик М.В., Дорофеев В.В.,

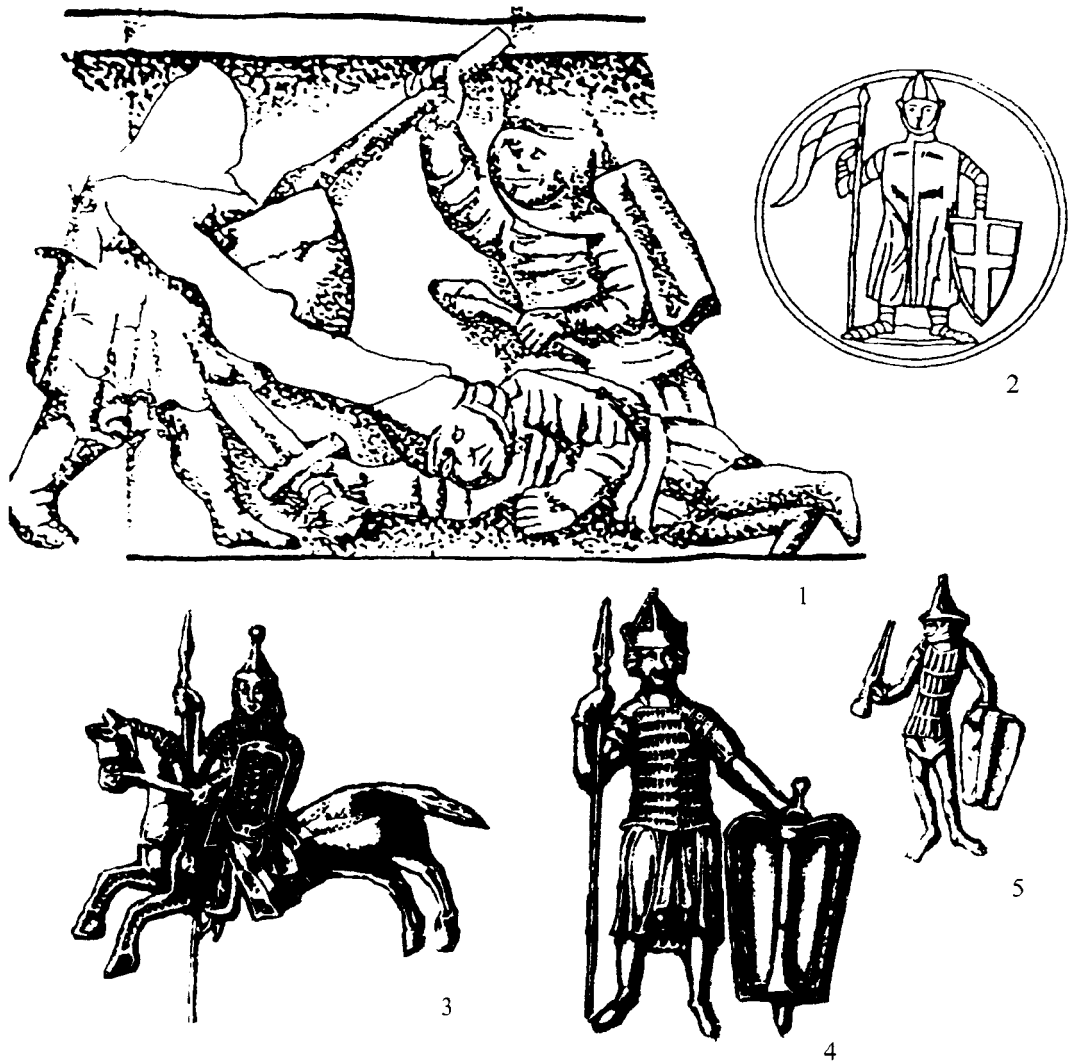

Рис. 3. Горельеф и печати с изображением шлемов монголо-прусского облика. 1 – горельеф с изображением сражения рыцарей Тевтонского Ордена (фигура слева) с пруссами (две фигуры справа) на капители колонны 1300 г. в замке Мариенбурга (Мальборк); 2 – печать Данцигской комтурии Тевтонского Ордена, сер. XIV в.; 3 – печать Тройдена, герцога Мазовецкого (ум. в 1341 г.); 4 – печать Земовита, герцога Мазовецкого, 1343 г.; 5 – печать Кейстута, князя Тракайского, 1387 г.

Fig. 3. High relief and seals with the imprints of Mongolian and Prussian style helmets. 1 – high relief depicting the battle of the Teutonic Order knights (the figure on the left) with the Prussians (two figures on the right) on the pillar capital of 1300 in Marienburg castle (Malbork); 2 – seal of the Danzig komturia of the Teutonic Order, mid-XIVth c.; 3 – seal of Troiden, Duke of Mazowetz (died in 1341); 4 – seal of Zemowit, Duke of Mazowetz, 1343; 5 – seal of Keistutis, Prince of Trakai, 1387.

Abb. 3. Hochrelief und Siegel mit der Darstellung der Helme mongolisch-preußischer Form. 1 – Hochrelief mit der Darstellung der Schlacht der Kreuzritter Teutonischorden (Figur links) gegen die Pruzzen (zwei Figuren rechts) im Säulenkapitel aus dem Jahr 1300 im Schloss von Marienburg (Malbork); 2 – Siegel der Danziger Komturei des Teutonischorden, Mitte des 14. Jh.; 3 – Siegel von Troiden, Herzog von Masowien (gest. 1341); 4 – Siegel von Zemovita, Herzog von Masowien, 1343; 5 – Siegel von Keistut, Fürst von Traken, 1387.

Dess. 3. Hautrelief et sceau portant l'image de la personne généralisée de l'époque mongolo-prussienne. 1 – haut-relief représentant la bataille des chevaliers de l'Ordre Teutons (figure à gauche) contre les Prussiens (deux figures à droite) sur le chapiteau de la colonne de 1300 dans le château de Marienburg (Malbork); 2 – le sceau de la comturie de Dancig de l'Ordre Teuton, la moitié du XIV siècle; 3 – le sceau Trojden du duc Mazovecki (mort en 1341); 4 – le sceau Zemovit du duc Mazovecki, 1343; 5 – le sceau Kejistut du conte de Trakaj, 1387.

1990, с.123-124), что привело его к абсолютно неверным выводам, как частного, так и общего порядка. Впрочем, эти недостатки стали “хроническими”, характерными для ряда молодых петербургских оружейников, находящихся под влиянием любительщины военно-исторических клубов.

Городищенский шлем мы условно отнесем к данной серии. Тем более, что он интересен условиями находки. Шлем был обнаружен на черепае воина, убитого при штурме и гибели городища у с.Городище. К сожалению, результаты работ экспедиции 1957-1964 гг. под руководством М.К.Каргера так до сих пор полностью научно не опубликованы, и поэтому общепринятым является мнение, что городище является останками древнего города Изяславля, погибшего в 1240 г. от монголо-татар, о чем говорят многочисленные наконечники стрел характерных им типов, обнаруженные при раскопках, причем даже в бревнах заборов. Мы же полагаем, что данный населенный пункт являлся одним из центров (пограничным) Болховской земли, которая предалась монголам и с 40 гг. XIII в. определенное время служила им зерновой базой. Как известно, это вызвало походы против нее со стороны такого непримиримого борца с завоевателями, как Даниил Галицкий, тем более, что Болховская земля входила в сферу его власти. В то же время, этот князь, как мы отмечали выше, активно использовал вооружение монгольского типа, снарядив им свою дружину. Так что в случае с “Изяславлем” мы видим русских, болховских коллаборационистов, часть из которых была снабжена монгольским оружием (шлем рассматриваемой серии, сабля), погибших от русских же противников монгольского владычества.

Шлем из Москвы сближает со шлемом из Никольского аналогичная форма граненой тульи, обтянутой в обоих случаях золоченым серебром. Только шлем из Москвы имеет короткое навершие в виде двух, поставленных друг на друга объемов: шарика внизу, яйцеобразного сверху. Защита лица в обоих случаях сходна, она обтянута золоченым серебром, хотя в шлеме из Москвы чеканные линии, изображающие брови, декорированы медными заклепками. Отдельная налобная пластина с наносником выполнена в форме длинного горбатого носа, с чеканными “бровями” и “веками”. Только в шлеме из Никольского защита лица имеет подглазья, тогда как в шлеме из Москвы они отсутствуют. Шлем из Городища, не подвергшийся реставрации и ныне, к сожалению, небрежением его хранителей практически разрушенный, был в плане защиты лица ближе шлему из Москвы. Отличим его от двух предыдущих образцов было также и то, что грани на нем откованы только на верхней части тульи, так что шлем имел как бы гладкий околыш и, кроме того,

были поуже, и, кажется, отсутствовала роскошная дорогая серебряная золоченая обтяжка (во всяком случае, она нигде не упомянута). В.Спинеи, опубликовавший шлем из Москвы, атрибутировал его как половецкий, датировав, ссылаясь на работы А.Н.Кирпичникова, Б.А.Рыбакова и других исследователей, XII-XIII вв. (Spinei V., 1974, с.411). Соглашаясь с этническим, но не культурно-историческим определением принадлежности погребенного, следует уточнить датировку шлема. Итак, мы убеждены, что рассматриваемая здесь “европейская” серия шлемов по своему происхождению – ордынская (вопрос генезиса данного типа шлемов находится на стадии решения, но уже сейчас можно связать его с Азиатским Востоком), а датировать их следует, начиная с 30 гг. XIII в. Появление их в Европе прямо связано с монгольским нашествием. Кстати, датируя и атрибутируя шлем из Москвы, В.Спинеи обращается для сравнения к шлему из Чойош в Венгрии. Его мы рассмотрим ниже, а пока лишь отметим, что по наличию серебряных накладок рыцарского пояса готического типа в Чойошском погребении, оно может датироваться не ранее 2-й пол.XIII в.

Второй шлем из современной Восточной Румынии был найден при раскопках кочевнического погребения в Остре на юге Сучавы и датирован В.Спинеи XIII-XIV вв. (Spinei V., 1974, fig.35, 1) (рис.2, 3). Шлем состоял из невысокого цилиндрического околыша из сваренной полосы железа, сфероконической тульи из одного куска кованого железа с вертикальной линией сварки и невысокого конического подвешья (навершие отсутствует). Шлем является типичным для кочевнических памятников Восточной Европы XIII в., не выделяясь какими-либо яркими особенностями.

Обратимся к венгерским находкам. Самым ярким из них и мастерски сделанным образцом является случайно обнаруженный, беспаспортный, украшенный богатейшим гравированным декором шлем, хранящийся в Венгерском Национальном музее (далее ВНМ) в Будапеште (рис.4, 1). Я.Кальмар связывает его с исмаилитским Ираном и датирует его XII в. (Kalmar J., 1971, с.264, 21.кер.), а Д.Николь полагает, что он был изготовлен в Иране или на Кавказе в XI-XII вв. (Nicolle D., 19886, с.534).

Рассмотрим форму данного шлема. Он искусно выкован из одного листа железа, имеет сфероконический силуэт с характерным, достаточно резким переходом от цилиндрическо-слабоконического околыша к конической тулье; спереди из того же листа выкован небольшой, слегка выпуклый козырек. По форме он очень близок шлему из Плоского (рис.1, 1) и практически аналогичен еще нескольким, почти столь же хорошо датированным золотоордынским шлемам (рис.4, 2) (Горелик М.В., Ков-

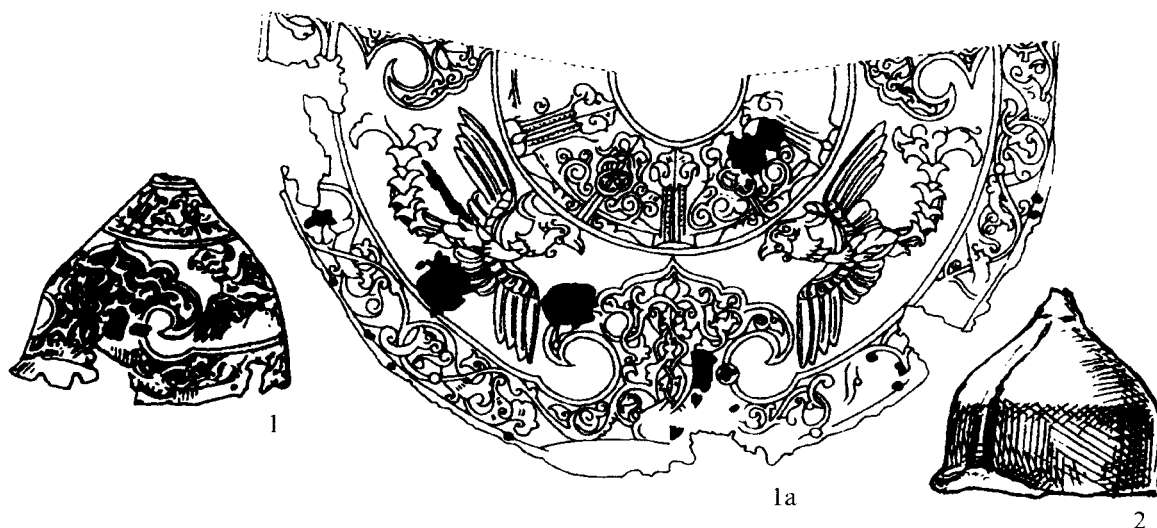

Рис. 4. Шлемы XIII в. 1, 1а – шлем из Венгерского Национального музея, Монгольский Иран, сер. – 2-я пол. XIII в.; 2 – шлем из кургана у с. Ковалевка, р-н г. Николаева, 2-я пол. XIII в.

Fig. 4. Helmets of the XIII c. 1, 1a – helmet from the Hungarian National Museum, Mongolian Iran, the mid- and late XIIIth c.; 2 – helmet from the barrow near Kovalevka village, Nikolayev city vicinity, the mid – 2nd half of XIIIth c.

Abb. 4. Helme aus dem 13. Jh. 1, 1a – Helm aus dem Ungarischen Nationalmuseum, der Mongolische Iran, Mitte - 2. Hälfte des 13. Jh.; 2 – Helm aus dem Grabhügel in der Nähe des Dorfes Kowaljowka bei Nikolajew, 2. Hälfte des 13. Jh.

Dess. 4. Casques du XIII siècle. 1, 1a – casque du Musée National de la Hongrie, Iran Mongolien, milieu – 2-me moitié du XIII siècle; 2 – casque du tumulus près du village Kovalevka, arrondissement de la ville Nikolaev, deuxième moitié du XIII siècle

паненко Г.Т., 2001, с.155, рис.1, 3; Горелик М.В., 2002, с.75, 8, 12). Если же мы обратимся к декору шлема из ВНМ (рис.4, 1а), то увидим типичный позднесельджукский растительный – на околыше и растительно-эпиграфический – на верхней части тульи орнамент, характерный для искусства Ирана кон. XII – XIII в. Вместе с тем, мы видим фигурные орнаментальные трезубцы – один над лбом, другой над затылком, точно воспроизводящие подобные детали, присущие именно монгольским шлемам и известные как по изображениям, так и по вещественным источникам (Горелик М.В., 1987, рис.11, 6; 2002, с.71, 6; с.76, 16-18, 20). Но самым ярким элементом, атрибутирующим и датирующим этот шлем, являются симметрично расположенные по бокам тульи две фигуры китайских фениксов, исключительно широко распространившихся в Иране с кон. XIII в., особенно в расписной керамике стиля “Султанабад”. Так что перед нами – монгольский шлем, украшенный персидским мастером в средневосточной манере XIII в. любимыми монголами и принесенными ими на запад китайскими элементами. Датировать шлем можно от 2-й трети XIII в., когда в захваченном монголами Северном Иране наместник Аргун-ака налаживал производство оружия, в том числе и для монгольских воинов (Го-

релик М.В., 2002, с.25), до рубежа XIII-XIV вв., когда в хулагуидском Иране местные мастера под наблюдением и руководством своих монгольских коллег выделяли для монгольского воинства оружие, о чем выразительно писал Рашид ад-Дин (Горелик М.В., 1987, с.201).

В Венгрии раскопано немало кочевнических курганов с оружием, которые справедливо считаются погребениями половцев-куманов-кунов, бежавших с 1241 г. от монголов в пределы Венгерского королевства, принявших его подданство и христианство, влившись после XVII в. в венгерский этнос. Наш интерес к данным погребениям обусловлен присутствием в некоторых из них шлемов восточного облика. Принадлежность их знатым половцам не ранее 2-й пол. XIII в. подтверждается наличием в них европейских рыцарских “готических” поясов, распространившихся в Европе с кон. 30 гг. XIII в.

Так, в составе депортированного комплекса, хранящегося в Венгерском Национальном музее в Будапеште, наряду с остатками кольчуги, наконечниками стрел, накладками на рыцарский пояс находится шлем (рис.2, 4). Он имеет форму низкого сфероконуса и состоит из трех частей: неширокого цилиндрического околыша, сферической

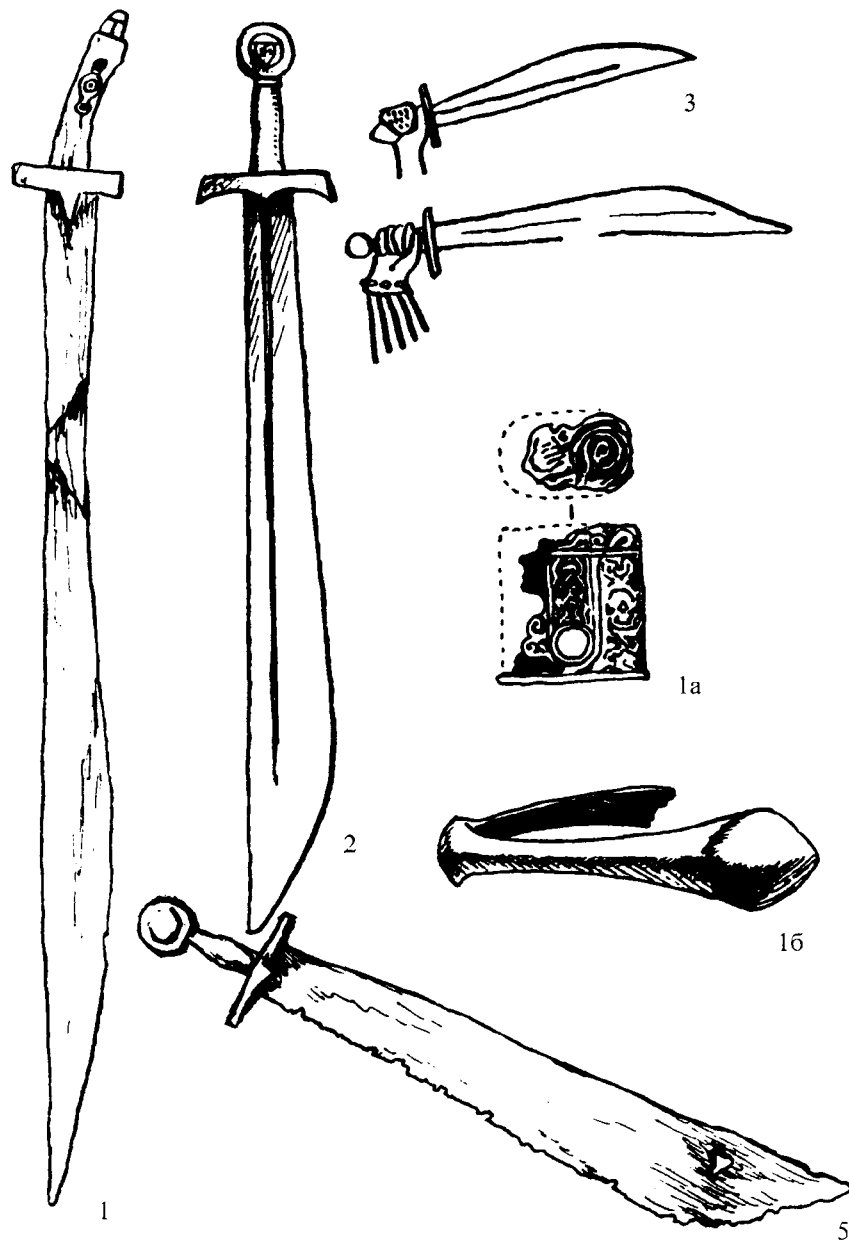

Рис. 5. Фальшьоны XIII-XIV вв. 1, 1а, 1б – “фальшьон”, навершие его рукояти и обоймица ножен из кургана у с.Каирка, Херсонская обл., сер. – 2-я пол.XIV в.; 2 – “Кольеровский” фальшьон, кон.XIII в., ризница собора в Дарэме, Англия; 3 – миниатюра из рукописи “История” Кватремера, Париж, 1295–1296 гг.; 4 – миниатюра из рукописи “Апокалипсис Св. Иоанна”, Париж (?), 1300 г.; 5 – фальшьон из Музея Клуни, Париж, кон.XIII – XIV в.

Fig. 5. Falchions of the XIII-XIV c. 1, 1a, 1b – “falchion” hilt top and scabbard ring from the barrow near Kairka villlage, Kherson region, 2nd half of XIVth c.; 2 – falchion of Colier, late XIIIth c., the sacristy of the Durham cathedral, England; 3 – miniature from the manuscript “History” by Quatremer, Paris, 1295-1296; 4 – miniature from the manuscript “St. John’s Apocalypse”, Paris (?), 1300; 5 – falchion from the museum of Cluny, Paris, late XIIIth-XIVth cc.

Abb. 5. Fachione aus dem 13. und 14. Jh. 1, 1a, 1b – “Falchion”, Knauf des Heftes und Bügel der Scheide aus dem Grabhügel in der Nähe des Dorfes Kairka, Gebiet Cherson, Mitte bis 2. Hälfte des 14. Jh.; 2 – Coliërre-Falchion, England, spätes 13. Jh., die Sakristei einer Kathedrale in Durham; 3 – Paris, Miniatur aus dem Manuskript “Geschichte” von Quautrémère, 1295-1296; 4 – Paris (?), Miniatur aus dem Manuskript “Apokalypse des Heiligen Johann”, 1300; 5 – Paris, Falschion aus dem Cluny-Museum, spätes 13. Jh.-14 Jh.

Dess. 5. Falchions des XIII-XIV siècles. 1, 1a, 1b – “falšjon”, la pointe de sa poignée et l’enveloppe de sa gaine issus du tumulus près du village Kairka, région de Herson, milieu – 2me moitié du XIV siècle; 2 – “falšjon” de “Koljer”, fin du XIII siècle, sacristie de la cathédrale de Darem, Angletterre; 3 – miniature du manuscrit “Histoire” de Kvotremmer, Paris, 1295 – 1296; 4 – miniature du manuscrit “Apocalypse de Saint-Jean”, Paris (?), 1300; 5 – “falšjon” du Musée Kluny, Paris, fin du XIII – XIV siècles

тульи, плавно переходящей в низкое коническое подвешение, и цилиндрического фигурного ярусного навершия. Верхний край околыша и нижний край подвешения обработаны в характерной золотоордынской манере – мелкими зарубками по краю с торца металлической детали. На начальной части околыша рельефом с изнанки выколочен трилистник. Одинокий трилистник украшает еще два предмета – чело маски-забрала, хранящейся в Государственном Объединенном Музее Татарстана (Горелик М.В., 2002, с.78, 3), и бок бронзового котла, в котором варили голубую глазурь, покрывавшую изразцы, примененные для облицовки охотничьего дворца ильхана Абаги, построенного в Тахт-и Сулейман (Северо-Западный Иран, провинция Азербайджан) в 70 гг. XIII в. (Naumann R. und E., 1976, с.39-42, 65, Abb.31). Этой дате соответствует и “готический” рыцарский пояс с типичной пряжкой и накладками в форме двусторонних якорьков (Nicolle D., 19886, № 1518). Таким образом, перед нами типичный монгольский шлем, который можно датировать 2-й пол.XIII в.

Еще один шлем происходит из погребения знатного кумана в Чойош, также хранящегося в Венгерском Национальном музее (рис.2, 5), сопровождаемого кольчугой с коваными наплечниками, наконечниками стрел, классическими золотоордынскими стременами и “готическим” рыцарским поясом с серебряным набором (Kalmar J., 1971, с.255, 1.кер.; Horvath A.P., 1989, fig.44, 46, Pl.19-21). Он гораздо проще предыдущего, состоит из узкого околыша и высокой сфероконической тульи, а завершается уплощенной выпуклостью. Такие шлемы типичны для находок из кочевнических курганов южнорусских степей XIII в. (Кирпичников А.Н., 1971, табл.XI), но шлем из Чойош имеет характерный золотоордынский признак – мелкие частые насечки по верхнему краю околыша. Датировается он 2-й пол.XIII – нач.XIV в., что подтверждается “готическим” поясом.

Примечательно то, что знатные кочевники европейских степей со 2-й пол.XIII в., в продолжение давней традиции, обозначали высоту сво-

его положения дорогим материалом и специфической формой металлического набора своих парадных поясов. При этом знать Улуса Джучи носила (вне зависимости от этнического происхождения) специфические монгольские пояса (Крамаровский М.Г., 2001, с.37 и сл.), тогда как куманская знать Венгрии предпочитала пояса своей новой социальной среды – европейского рыцарства. Что же касается шлемов, то половецкие ханы и беки Венгрии держались степной традиции, которую продолжали мастера и воины их прародин. Их покупали или захватывали в качестве трофеев.

“Фальшьон” из Каирки

В 1983 г. у с.Каирка (в Присивашье) экспедицией по руководством А.И.Кубышева был раскопан курган 3 (Кубышев А.И. и др., 1983), сохранивший исключительное по богатству и разнообразию инвентаря погребение (Толочко П.П., 1999, с.187-190). Важность его состоит еще и в том, что оно предельно точно датируется дирхемами хана Узбека (1312-1341 гг.). В погребении представлен большой набор оружия с сохранившимися практически в целости частями, изготовленными из органических материалов. Среди защитного вооружения – это кольчуга, шлем, створчатые наручи. Из наступательного – лук, стрелы, шестопер и, наконец, уникальное длинноклинковое оружие (рис.5, 1), названное авторами раскопок и в публикациях саблей (Кубышев А.И. и др., 1983; Толочко П.П., 1999, с.187; Евлевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000, с.142). На самом же деле, ничего общего с сабельным форма клинка этого оружия не имеет. Напротив, данный клинок и по форме, и по функции совпадает с клинками, получившими некоторое распространение в Западной Европе с кон.XIII в. (рис.5, 2-5) – фальшьонами. Это – массивные однолезвийные клинки с прямым обухом; со стороны лезвия клинок сильно расширяется к концу и плавно закругляется, сходясь острием к обуху. Такой клинок, подвластный лишь очень сильной и тренированной руке, исключительно эффекти-

вен в рубяще-режущем действии, превосходя и меч, и даже саблю. Его распространение было ограничено лишь тяжестью такого клинка, которую пытались компенсировать его укорачиванием, отчего страдала эффективность. Но отличие оружия из Каирки от европейских фальшионов состоит в том, что рукояти этого оружия европейских образцов XIII-XV вв. всегда выполнены как рукояти мечей, т.е. ось ручки продолжает линию прямого обуха. Формы наверший и перекрестий те же, что и у мечей. Экземпляр же из Каирки имеет чисто сабель-

ную рукоять, т.е. поставленную под углом к клинку. Именно рукоять может сбивать с толку исследователя, если он не профессиональный оружейвед с достаточным источниковедческим кругозором.

Характерной деталью ранних фальшионов является перекрестие, у которого середина сверху ровная, снизу же опускается треугольным мыском. Это очень популярный признак перекрестий европейских мечей XII-XV вв. (Oakeshott E., 1991, с.81, 84, 94, 122, 124, 136, 137, 174-179, 184, 185, 189, 201, 216-218, 268). Брусковидные перекрестия с треугольны-

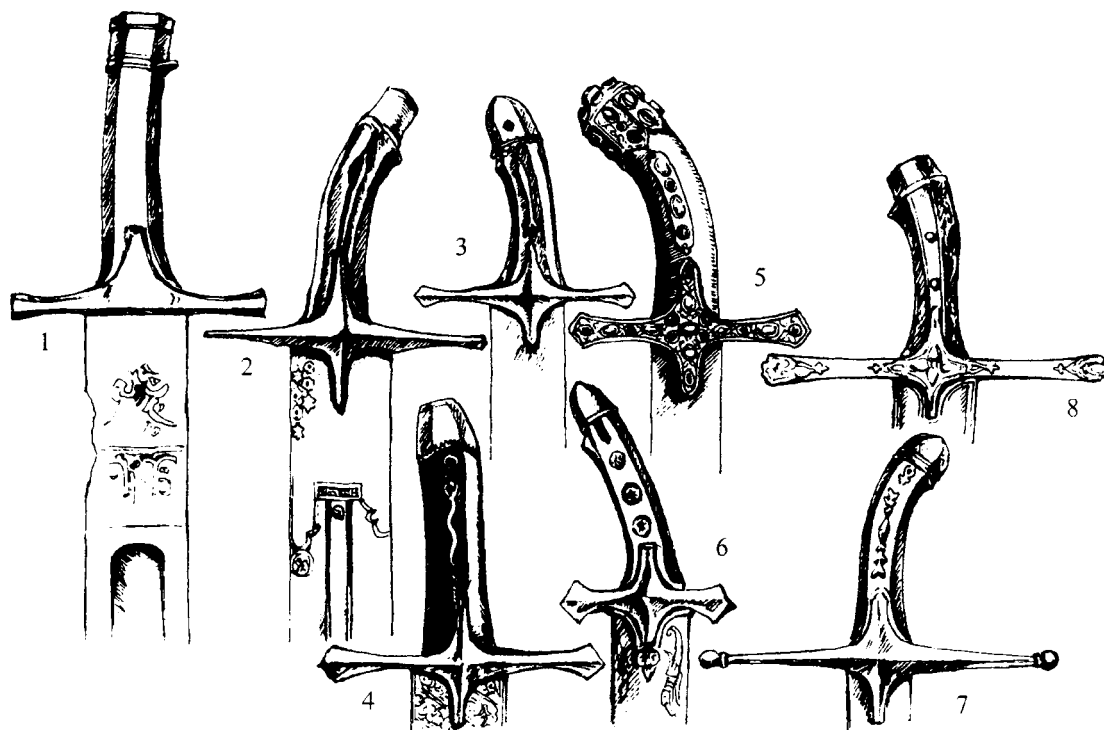

Рис. 6. Сабли и палаши XV-XVI вв. с элементами, присущими фальшионам. 1-4 – мамелюкские палаши XV в., Каир и Дамаск (1-3 – дворец-музей Топкапы, Стамбул, 4 – Исторический музей, Дрезден); 5 – турецкий палаш XVI в., дворец-музей Топкапы, Стамбул; 6, 7 – венгерские сабли XVI в., Венгерский Национальный музей, Будапешт; 8 – сабля эрцгерцога Фердинанда Тирольского, 1514 г., Художественно-исторический музей, Вена.

Fig. 6. Sabres and broadswords of the XV-XVI c. with elements typical of falchions. 1-4 – Mameluke broadswords of the XVth c., Cairo and Damascus (1-3 – Topkapy Palace-Museum, Istanbul, 4 – Historic Museum of Dresden); 5 – Turkish broadsword of the XVIth c., Topkapy Palace-Museum, Istanbul; 6, 7 – Hungarian sabres of the XVIth c., Hungarian National Museum, Budapest; 8 – sabre of Ferdinand, Archduke of Tyrol, 1514, FineArts and History Museum, Vienna.

Abb. 6. Säbel und Pallasche aus dem 15. und 16. Jh. mit den dem Falchion ähnlichen Teilen. 1-4 – Mameluckenpallasche aus dem 15. Jh., Kairo und Damaskus (1-3 – Istanbul, Topkapi Palast-Museum; 4 – Dresden, Historisches Museum); 5 – Türkische Palasche aus dem 16. Jh., Istanbul, Topkapi Palast-Museum; 6, 7 – ungarische Säbel aus dem 16. Jh., Budapest, Ungarisches Nationalmuseum; 8 – Säbel des Erzherzogs Ferdinand von Tirol, 1514, Wien, Kunsthistorisches Museum.

Dess. 6. Sabres et espèce de lame tranchante (palache) des XV – XVI siècles aux éléments propres aux falchions. 1-4 – palaches des mameluks du XV siècle, le Caire et Damask (1-3 – Palais-Musée Topkapy, Istanbul, 4 – musée d'histoire, Dresdes); 5 – palache turque du XVI siècle Palais-Musée Topkapy, Istanbul; 6-7 – sabres hongroises du XVI siècle, Musée National de la Hongrie, Budapest; 8 – sabre du erzherzog Ferdinand de Tirol, 1514, Musée de peinture et d'histoire à Vienne

ми мысками, выступающими в середине только в одну сторону, встречаются и у сабель, происходящих из кочевнических погребений юга Восточной Европы XII-XIV вв. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.130-131, 172-175), но у них мыски направлены вверх. Так что перекрестье “фальшьона” из Каирки уникально для своего региона и безусловно отражает связи с Западной Европой. При внимательном взгляде клинок и перекрестье оружия из Каирки все же не идентичны западноевропейским образцам: перекрестье массивнее и грубее европейских, а вот клинок значительно изящнее, тоньше и длиннее, т.е. гораздо более вытянутых пропорций. Поэтому трудно определить точное место производства данного экземпляра, тем более, что типично местное по форме навершие его рукояти (рис.5, 1а) декорировано в золотоордынском стиле XIV в. (Крамаровский М.Г., 2001, рис.60, 61, 70, 74, с.336), а обоймица ножен (рис.5, 1б) не имеет ничего общего ни с европейскими, ни с иными западными либо южными образцами. Таким образом, “фальшьон” из Каирки можно предположительно считать изделием, выполненным на юго-западе Улуса Джучи, в одном из пунктов, тесно связанных с западноевропейским ремеслом. Такими местами могли быть Крым, Азак (Азов, Тана), район причерноморского Прикубанья. Там богатый ордынец мог увидеть западноевропейский фальшьон, оценить его боевые качества и заказать себе подобное оружие. Исполнить же его могли целиком местные мастера. Клинок, скорее всего, ковал живущий здесь колонист-европеец, а сборку мог выполнить ордынец.

Но значение находки “фальшьона” из Каирки еще глубже, нежели только свидетельство уникального контакта ордынского и западноевропейского ремесла. Для истории оружия бесценна его рукоять. Ручка имеет специфическую форму изогнутого бруска с внутренним вырезом, сделанным так, что

он немного короче внешнего, за счет чего получаются как бы выступы снизу и более выраженный – сверху; выступ сверху является ограничителем для более надежного хвата ладонью. Верхушка рукояти, служащая навершием, имеет вид уплощенного брусочка, более узкого, нежели верхняя часть ручки, и как бы надставленного сверху так, что расширение верха ручки выступает мыском. На плоской щечке ручки имеется металлическая накладка продолговатой, сложноовальной формы. Мы столь подробно описываем эти детали потому, что все они для XV-XVI вв. станут характерными признаками, отличающими большую серию клинкового оружия Мамлюкского и Османского государств, в значительной мере определяющей особенности оружейной школы территорий от Египта до Анатолии.

Ярче всего детали, впервые появившиеся на “фальшьоне” из Каирки, выражены на мамлюкских палашах – оружии с прямым двулезвийным клинком и сабельной рукоятью, выполненных в XV в. (рис.6, 1-4). Аналогичные предметы делали в XV в. и османские мастера, во многом следовавшие своим коллегам из Каира и Дамаска. Эту традицию продолжает роскошный, усыпанный камнями турецкий палаш XVI в. (рис.6, 5). А венгерские сабли нач.XVI в. (рис.6, 6, 7) точно следуют турецким образцам XV в. Весьма точно воспроизвели формы, заложенные в “фальшьоне” из Каирки, австрийские мастера, изготовившие для эрцгерцога Фердинанда Тирольского в 1514 г. изумительную парадную “венгерскую” саблю (рис.6, 8).

Таким образом, вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) оказало значительное влияние, а подчас сыграло определяющую роль в развитии оружия не только Востока, но и Европы, в то же время воспринимая и многое заимствуя из арсенала западноевропейского оружейного ремесла.

Литература и архивные материалы

- Горелик М.В.**, 1979. Средневековый монгольский доспех// Третий международный конгресс монголистов. Т.1. Улан-Батор.
- Горелик М.В.**, 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.
- Горелик М.В.**, 1987. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Горелик М.В.**, 1990. Степной бой// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Восточной Азии. Новосибирск.
- Горелик М.В.**, 2002. Армии монголо-татар X-XIV вв. М.
- Горелик М.В., Дорофеев В.В.**, 1990. Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка// Проблемы военной истории народов Востока. Вып. II. Л.
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т.**, 2001. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды// Археология Поволжья. Пенза.
- Гошкевич В.И.**, 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я.Стемпков-

- ского// Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії Наук. Ч.4-5. Секція археологічна. Одеса.
- Евглевский А.В., Потемкина Тат.М.**, 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Егоров В.Л.**, 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Кирпичников А.Н.**, 1971. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Вып.Е1-36.
- Крамаровский М.Г.**, 2001. Золото чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Нечитайло А.Л., Куприй С.А., Шевченко Н.П., Толкачев Ю.И., Амирханов А.Ш., Абикулова М.И., Былкова В.П.**, 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г.// НА ИА НАН Украины, № 83/26.
- Кызласов И.Л.**, 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. М.
- Петров Ю.Ю.**, 1997. Древнерусские шлемы с полумасками// Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.
- Толочко П.П.**, 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.
- Археология СССР.** Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. М.
- Янин В.Л.**, 1974. Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце (О новгородском источнике "Жития Александра Невского")// Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К.Каргера. Л.
- Гетов Л., Цанова Г.**, 1967. Народен музей Казанлък. Старо изкуство. София.
- Horvath A.P.**, 1989. Pechenegs, Cumans, Asians: steppe peoples in medieval Hungary. Budapest.
- Kalmar J.**, 1971. Regy magyar fegyverek. Budapest.
- Lugosi J., Temesvary F.**, 1988. Kardok. Budapest.
- Nicolle D.**, 1988a. Hungary and the fall of the Eastern Europe 1000-1568. London.
- Nicolle D.**, 1988b. Arms and armour of the Crusading Era 1050-1350. V.1. Commentary. V.2. Illustrations. New York.
- Nicolle D.**, 1996. Medieval Warfare. Source book. Vol.2. London.
- Naumann R. und E.**, 1976. Takht-i Suleiman. Munchen.
- Nowakowski A.**, 1994. Arms and armour in the medieval Teutonic Order's State in Prussia. Lodz.
- Oakeshott E.**, 1991. Records of the medieval swords. Woods bridge.
- Peers C.J.**, 1992. Medieval Chinese Armies 1260-1520. London.
- Shobel J.**, 1975. Prunkwaffen. Leipzig.
- Spinei V.**, 1974. Antichitatile nomazilor Turanicu din Moldova in primul sfert al Mileniului al II-la// Studii si cercetari de Istorie veche si Arheologie. 3. Tomul 21. Bucuresti.
- Spinei V.**, 1982. Moldova in secolele XI-XIV. Bucuresti.
- Swietoslowski W.**, 1997. Archeologiczne slady najazdow tatarskich na Europe Srodkowa w XIII w. Lodz.
- Thordeman B.**, 1939. Armour from the battle of Wisby 1361. Stockholm.

Summary

M.V. Gorelik (Moscow, Russia)

Helmets and Falchions: Two Aspects of Mutual Influence of the Mongolian and European Art of War

In the first part of the paper a group of helmets found in Central Europe on the territories extending from Prussia to Bulgaria is described. Our investigation has shown that all the pieces were manufactured in the Empire of Chinghiside, mainly in Ulus Dzhuchi (the Golden Horde), and were brought to Europe during the nomads' raids in the second half of the XIIIth c., on the one hand, and due to Ulus Dzhuchi power expansion in the south-eastern areas of Central Europe, on the other. The situation in Hungarian kingdom was quite different: the Polovets-Kumans, who had settled there, preferred helmets of their traditional design that had been made in their former motherland. We would like to emphasise the existence of war-trade interrelations with Prussia and the neighbouring regions of Poland and Lithuania. In this region under the influence of Mongolian and Russian raids in the second half of the XIIIth c. and close contacts of Alexander Nevsky who adhered to the Mongolian style with the Prussian nobility and also for some other reasons, a specific set of armour (helmets and coats of mail) had formed.

In the second part of the paper we have analysed a unique find in the burial of the Golden Horde period near Kairka village in the area of Sivash, which seems to be very important for armour studies, namely: the “falchion” with a sabre-type hilt. The oriental style of the falchion with a sabre-type hilt in the burial of the Golden Horde of the XIVth c. gives strong evidence in favour of the interaction of the Mongols with the armourers of Western Europe. The shape of the falchion hilt from Kairka is of special importance, as it proves to be a prototype of the basic trend in cold steel hilt design in the Near East countries in the XVth-XVIth cc.

M.V. Gorelik (Russland, Moskau)

Helme und Falchione: zwei Aspekte der gegenseitigen Beeinflussung des Waffenwesens der Mongolen und der Europäer

Im ersten Teil des vorliegenden Beitrages wird eine Gruppe von Helmen behandelt, die im mitteleuropäischen Raum zwischen Preußen und Bulgarien gegraben wurden. Die Forschung ergab, dass sie alle im Reich des Dschingisiden, vorwiegend im Ulus Dschotschi (Goldene Horde), hergestellt worden waren und sowohl durch Nomadeneinfälle in der 2. Hälfte des 13. Jh., als auch durch die Unterwerfung der südöstlichen Gebiete Mitteleuropas dem Ulus Dschotschi nach Europa gelangt waren. Anders war die Lage im Ungarischen Königreich, in dem sich die Kumanen angesiedelt hatten, die den für Steppenvölker gewohnten und in ihrer früheren Heimat gefertigten Helmen Vorzug gaben. In der Studie werden die gegenseitigen kriegshandwerklichen Beziehungen zu Preußen und zu den angrenzenden Gebieten Polens und Litauens näher betrachtet, in denen nach mongolo-russischen Kriegszügen in der 2. Hälfte des 13. Jh. durch enge Kontakte des mongolenfreundlichen Alexander Newski mit dem preußischen Adel und andere Ursachen eine Abwehrrüstung (Helme und Panzer) zu Stande gekommen war.

Der zweite Teil der Studie enthält eine Analyse des einmaligen und für die Waffenkunde wichtigen Fundes in der Bestattung aus der Zeit der Goldenen Horde in der Nähe des Dorfes Kairka im Siwaschgebiet: Falchion, datiert mit den Dirhemmen des Usbeken, und versehen mit einem Säbelgriff. Das Vorhandensein des “orientalisierten” Falchions ist ein Zeugnis dafür, dass Mongolen und westeuropäische Waffenmeister eng zusammengearbeitet haben. Von besonderer Bedeutung ist der Griff des Falchions aus Kairka, der die Hauptlinie für die Ausgestaltung der Griffe von Hieb- und Stoßwaffen im 15.-16. Jh. im Nahen Osten vorweggenommen hat.

M.V.Gorelik (Moscou, Russie)

Les casques et les falchions: deux aspects de l'interinfluence de l'art militaire des Mongols et de la fabrication d'armes

La première partie de l'article est consacrée à la série de casques découverts sur le territoire de l'Europe centrale s'étendant de la Prusse à la Bulgarie. L'étude a montré que tous, ils étaient fabriqués dans l'Empire des Čingizides, essentiellement à Ulus Djuči (la Horde d'Or). Ils se sont trouvés en Europe premièrement après les incursions des nomades dans la 2-me moitié du XIII siècle, deuxièmement en résultat de l'appropriation des terres du Sud-Est de l'Europe centrale par Ulus Djuči. La situation dans le royaume hongrois était toute différente. Des polovec-kuman qui s'y sont installés préféraient porter des casques traditionnels pour les nomades des steppes. On appuie dans cet article le fait des relations militaires et artisanales avec la Prusse et les régions limitrophes de la Pologne et de la Lituanie. Ce qui était le resultat des contacts étroits du mongolophyle Alexandre Nevski avec la noblesse de la Prusse. Et grâce à d'autres raisons encore on voit apparaître un costume de protection (casques et cuirasse).

La deuxième partie de l'article contient l'analyse d'un objet précieux et important pour la science des armes découvert dans une nécropole de la Horde d'Or près du village Kairka, région de Sivaš ce qui est daté par les dirhems d'Usbek sur le “falšjon” ayant une poignée de sabre. La découverte du falšjon “orientalisé” ayant une poignée de sabre dans une nécropole de la Horde d'or témoigne d'une interaction étroite des Mongols et des producteurs d'armes de l'Europe occidentale. La pognée du “falšjon” de Kairka est d'une portée exceptionnelle. Elle représente un prototype de l'ornement principal des pognées d'armes de ce type en Proche-Orient en XV-XVI siècles.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2002 г.